

УДК 821.411.21

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В АНТОЛОГИИ
«ЙАТИМАТ АД-ДАХР»**

Ламия ГУСЕЙНОВА*

Ключевые слова: поэтическая фигура, стихи, поэт, байт, слово

РЕЗЮМЕ

Известно, что теория о поэтических тропах и фигурах впервые была разработана знаменитым поэтом и литератором, однодневным халифом Ибн ал-Му‘таззом (861-908). Его сочинение «Китаб ал-бади‘» («Книга о новом» или «Книга о поэтических тропах») – первый оригинальный трактат по поэтике. Ибн ал-Му‘тазз сам подтверждает, что «новый стиль» вовсе не был изобретён новыми поэтами VIII-IX вв. Примеры этого стиля встречаются в стихах поэтов периода джахилийи, а также в Коране и хадисах. В стихах, рассматриваемых нами арабоязычных поэтов, включённых в «Йатимат ад-дахр», встречается немало поэтических тропов и фигур. Из них метафора, ташбих, ифрат фи-сифа, таджнис, иштикак, радд ал-‘аджуз ‘ала-л-садр, талмих и мутабака.

Введение

Поэты конца X-начало XI вв. представленные в антологии «Йатимат ад-дахр» были последовательными сторонниками арабского классицизма, творчество которых сформировалось под воздействием доисламской поэзии в органическом сочетании с новым поэтическим стилем, со всем его богатством приёмов и фигур. «Новые» поэты украшали свои стихи сложными поэтическими фигурами, что придавало стиху напыщенность и вычурность. Наряду с этим, поэты, виртуозно владея техникой стихосложения, умело подбирали поэтические размеры в соответствии с содержанием стиха.

Известно, что теория о поэтических тропах и фигурах впервые была разработана знаменитым поэтом и литератором, однодневным халифом Ибн ал-Му‘таззом (861-908). Его сочинение «Китаб ал-бади‘» («Книга о новом» или «Книга о поэтических тропах») – первый оригинальный трактат по поэтике. Ибн ал-Му‘тазз сам подтверждает, что «новый стиль» вовсе не был изобретён новыми поэтами VIII-IX вв. Примеры этого стиля встречаются в стихах поэтов периода джахилийи, а также в Коране и хадисах. Вначале автором «Китаб ал-бади‘» было установлено пять основных фигур «нового стиля», однако Ибн ал-Му‘тазз счёл необходимым добавить к своей книге вторую часть, в которой он проанализировал двенадцать средств художественного выражения, назвав их «махасинаш-ши‘р» («красоты поэзии») (3, с. 200). Тринадцатая категория была добавлена последующими теоретиками и получила название –лузумма лайалзам или и‘нат («обязательность того, что необязательно»).

Поэтические фигуры. В стихах, рассматриваемых нами арабоязычных поэтов, включённых в «Йатимат ад-дахр», встречается немало поэтических тропов и фигур.

Одним из основных пяти поэтических фигур «нового стиля» в классификации Ибн ал-Му‘тазза занимает исти‘ара («заимствование»). Как обычно исти‘ара передаётся термином метафора. Однако это слово по значению не соответствует арабскому исти‘ара, за исключением, если только этот термин понимается в аристотелевском смысле, включая синекдоху и

* f.ü.f.d., AMEA akad. Z.M.Bünyadov adına Şərqişünaslıq İnstitutu
E-mail: lamiahuseynova77@gmail.com

метонимию (4, с. 126). Рассмотрим конкретные примеры. Так, азербайджанский поэт Абу Абдаллах ал-Марагаис большим профессионализмом используя метафору, персонифицирует драгоценный металл – золото. Он также образно описывает процесс плавки золота в первом бейте. Известно, что, когда золото плавят при высокой температуре, он окрашивается в чёрный цвет:

يفوّف طوراً بالتّضار و يطلس أجاب بما أعيا الورى و هو أخرس (10, с. 481)	و مشتمل من صبغة اللّيل برده إذا سألوه عن عويص و مشكل
--	---

[Золото], укутавшись в плащ цвета ночи,
 Постепенно переходит из одной окраски в другую,
 И когда у него спрашивают, в чём трудность,
 А он затрудняется ответить, то предпочитает молчать.

Другой азербайджанский поэт Баракавейх Занджани с помощью метафорического способа выражения уподобляет земной шар с его радостями стола, полному яствами:

فإنّ لدينا من صنوف الأطياب و من طيّبات الرزق قدر لطالب و خطّابها يأتون من كلّ جانب فحيّ عليها الآن يا خير صاحب (10, с. 472)	هلّمّ إلينا يا أبا الفضل و الحجى أطياب لهو من سرور و لذة مطيّبة بكر بخاتم نارها و أنت لها أولاهم باقتضاضها
---	---

О, обладатели ума и достоинства, торопитесь к нам!
 Поистине у нас (на нашем столе) [различные] сорта вкуснейших блюд,
 Это – наилучшие, [замешанные] на радости и наслаждения,
 И достаточные для [всех] желающих самые вкусные яства.
 Наивкуснейшее блюдо, окутанное ароматом,
 Манит к себе со всех сторон.

Будь же из числа первых, кто отведаёт его вкус,
 Спешите к нему (столу) сейчас же, о благородные люди!

В нижеследующем отрывке поэт посредством метафоры одухотворяет и олицетворяет красоту своей возлюбленной, то есть, вспоминает свою возлюбленную и, сравнивая прежнее и нынешнее её состояние, впадает в уныние:

فما وريت له عندي زناد (10, с. 471)	تعرّض لي ومرّض مقلّتيه
---------------------------------------	------------------------

[Былая красота] оглянулась мне, [однако] её глаза вызвали у меня
 болезнь и гнев.

[И это] причинило мне страдание и боль.

Присутствие метафоры наблюдается также в бейте, где поэт сетует по поводу разлуки с возлюбленной:

و شاب الرأس و اسودّ الفؤاد (10, с. 471)	بليت و ذكرها عندي جديد
--	------------------------

Я изнурён, но воспоминания о ней для меня [всегда] свежи,
 Голова поседела, а душа почернела.

В стихотворении Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани, благодаря метафоре любовь ассоциируется с огнём:

فطر غمام سكباً (10, с. 477)	زاد غرامي لهبا
--------------------------------	----------------

Моя возрастающая любовь [к тебе] пылает [огнём],
 [Мои пролитые слёзы подобны] проливному дождю.
 Поэт Абу-л-Касим Амр бин Абдаллахал-Харанди умело используя метафору при описании вина, передает её эпитетом «преданный друг»:

و هي للأرواح في أبداننا نعم الصديق

(10, с. 480)

Оно (вино), как преданный друг в нашем теле
 Живёт в благоденствии с [нашим] духом.

В другом стихотворении благодаря также метафоре поэт придаёт экспрессивность следующим строкам:

إن تقصني أمسيت مضغة ضيغم أو تدنني أصبحت ذاك الضيغما

(10, с. 480)

Если ты отдалишь меня [от себя], я стану кормом для хищников,
 А если ты приблизишь меня, то [я сам] стану хищником.

Неожиданной метафорой удивляет поэт Шамсавейх ал-Басри, которому путём метофоризации удаётся условное и абстрактное представить наглядным образом:

قلت للقلب ما دهاك: أجبني قال لي: بائع الفراني فراني

(10, с. 483)

Я спросил у сердца, что с тобой? Ответь мне!
 Оно сказала мне: продавец сладостями ранил меня.

В этом отрывке поэт Абу Абдаллах ар-Рузбариприсущее людям свойство переносит на явление природы, и тем самым создаёт яркую метафору:

أما ترى الأرض قد شابت مفارقها بما نثرن عليها و هي لم تثب

(10, с. 484)

Разве ты не видишь, что земля уже поседела,
 [А если мы] загребем снег, [то увидим], что она не поседела.

В качестве основного образного средства художественной выразительности следует назвать – ташбих, или как её именует Ибн ал-Му‘тазхуснат-ташбих («красивое сравнение»). В ней сравниваются два разнородных объекта или их свойства согласно какому-нибудь существующему между ними сходству (1, с. 220).

Образ солнца, полной луны и цветущего сада, в классической арабской поэзии, часто встречаются в описаниях красавицы, с чем поэты сравнивали лик возлюбленной. По этому поводу интересны бейты Абу-л-Хусейна Ахмада бин Фариса бин Закарийа ал-Мугим:

بدر مليح القوام معتدل قفاه وجهه و وجهه ربح

(10, с. 469)

Она стройна и прекрасна, [светиться как] полная луна,
 [Этот] образ преследует [меня везде, это и есть] моя награда.
 А также строки Абу Абдаллаха ал-Батхави:

وجهك الزاهر لي روض وربك نسيمي

(10, с. 482)

Твоё прекрасное лицо, [подобно] цветущему саду для меня,
 Твой аромат, [как] дуновение ветерка.

Встречаются также образы из неживой природы: сердце возлюбленной по традиции сравнивается со скалой, мрамором, камнем, что наблюдается в стихотворении Абу Али ал-

Хасана бин Мухаммада ад-Дубай‘и. Только в данных бейтах мы сталкиваемся с «обратным сравнением», т. е. железная печь с дымовой трубой сравнивается с возлюбленной:

و منحوتة من جنس قلبك قسوة
حوت جمره في لون خدك حمرة
يذكرني ما فاح من عرف ندها
برزت بها في مثل قدك لنا
و في حرّ أحشائي هوى و حنيننا
شهورا مضت في وصلنا و سنينا

(10, с. 473)

[Это] изваяние подобно твоей жестокой душе,
[А то, что] выступает из него, подобно твоему гибкому стану,
Пылающие угли [в нём] напоминают цвет твоих румяных щёк,
А жар, исходящий от них напоминает страсть, которую
испытываю к тебе я,

Аромат, распространяющийся [повсюду из него], напоминает мне
Месяцы и года, проведённые с тобою вместе.

Образы животных также традиционны. Красавицы и красавцы сравниваются с газелью, силачи же сравниваются со львом. Поэт ад-Дубай‘и по красоте сравнивает своего героя с газелью, а по силе – со львом:

أ ضيغم أم غزال ذاك أم بشر
شمس تزيت بزيت التّرك أم قمر

(10, с. 474)

Лев* ли он, газель ли он или человек,
Солнце ли оно в одеяние турка или луна.

Традиционный мотив «влюблённые постоянно проливают слёзы», мы встречаем в разных вариациях. Искусство поэта заключалось и в том, чтобы выбрав эти канонические ма‘ани, при использовании стилистических приёмов, облечь их в разнообразные словесные облачения. Рассмотрим их на примерах.

Поэт ал-Кади Абу Бакр ал-Аси, используя ташбих усиливает эффект сравнения, подчёркивая его выражением «пролитые слёзы оставили на щеках глубокие следы»:

يا غزالا هو للحسن
لم تكن أنت بهذا
مذ بدا في عاج
مقرّ و محطّ
الحسن و البهجة قطّ
خدّيك من العنبر خطّ

(10, с. 481)

О газель, ты олицетворение красоты,
И эта красота с тобою не вечна,
[Так как] пролитые тобою слёзы с ароматом амбры оставили на
твоих щеках глубокие следы.

Поэт Абу Али ал-Хусейн бин Аби-л-Касим ал-Кашани, заимствуя этот мотив, придаёт ему необыкновенный лиризм и утончённость. В первом бейте слёзы уподобляются звёздам. Второй же бейт отделан более изящно, что усиливает ма‘на этих строк. Слёзы, текущие по щекам, словно побивают камнями дьявола, который сидит на его щеках:

عينيّ مذ شطّنت الدّيار بكم
كأنّ في وجنتي أبالسة
تحكي سماء و الدّمع أنجمها
تسترق السّمع و هي ترجمها

(10, с. 478)

С тех пор, как любимая покинула меня,
Слёзы, подобно звёздам на небе, появились на моих глазах.
Как-будто на моих щеках сидит [сам] дьявол,

* ضيغم – так, арабы называют льва с широко раскрытой пастью, т.е. в тот момент, когда он рычит.

[А слёзы мои], крадась, подслушивают и побивают камнями дьявола.

У поэта Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани слёзы уподобляются надзирателю:

فعاقتني عن قصدكم كما تعوق الرّقبا

(10, с. 477)

[Эти слёзы, подобно] надзирателю, намеренно препятствуют мне
[соединиться с тобой].

Поэт Абу Абдаллах ал-Марагаи, обладающий богатой фантазией и оригинальностью мыслей, проявил безукоризненный вкус в создании ташбиха при описании война в доспехах:

و مرتفع للناظرين محارب ترى رأسه في بسطة الباع مائلا
حكي ثملا أصغى إلى البين فاغتنى يشقّ عن الأذيال منه الغلائلا

(10, с. 481)

Перед [глазами] наблюдателей возвышается воин,
Между рук [чётко] видна его голова, слегка наклонившаяся на бок.
Он, будто пьяный, прислушивается к чему-то,
И, разорвав подол панциря, [выступил вперёд].

У поэта Абу-л-Касима Амра бин Абдаллаха ал-Харандив соответствии со средневековой эстетикой описание вина также носит узаконенный канонический характер. Вино рисуется при помощи стереотипных клише, т. е. цветом своим оно, то напоминает алый цветок, то драгоценный камень, или же «искрится, как огонь»:

قلت لما لاح لي منها شعاع و بريق
أشقيق أم عفيق أم رحيق أم حريق؟

(10, с. 480)

Когда, [в бокале, наполненном вином], я увидел,
Как оно сверкает блеском, я сказал:
Анемон ли [это], или сердолик,
Вино ли [это], или [же] огонь.

Поэт Абу Абдаллах ар-Рузбари, пристально вглядываясь в природу, воспекает её в образах, создавая живые и яркие поэтические картины:

نثار غيث حكي لون الجمان لنا فاشرب على منظر مستحسن عجب
جاد الغمام بدمع كاللجين جرى فجد لنا بالتي في اللون كالذهب

(10, с. 484)

[Покрывающий землю] снег [своей белизной] напоминает ал-Джуман*,
[Так] выпей [же] за [это] удивительное и прекрасное зрелище.
[Из] туч щедро льются слёзы цвета серебра,
О тучи, смилуйтесь и [теперь пошлите] нам дождь золотистого цвета.

В поэзии арабоязычных поэтов широко применялось изобразительное средство – ифрат фи-с-сифа («чрезмерность в описании»). Эту фигуру с полным основанием можно назвать гиперболой. Для того чтобы придать экспрессивность и глубокий смысл художественному слову, поэты в описаниях какого-то события, характера или качества достигали крайних пределов (7, с. 87).

Поэт Абу Али ал-Хусейнбин Аби-л-Касимал-Кашани, используя гиперболу как выразительное средство, описывает свои мучения и любовные страдания, которые он претерпел во имя любви:

* Ал-Джуман – вид драгоценного камня наподобие белого агата.

أليس عجيباً أنّ جمسي ناحل نحول خلال بل نحول هلال
و أحمل ثقلاً في الهوى لا ثقله متون جمال بل متون جبال

(10, с. 478)

Не удивительно, что моё тело [так] истощено,
[И оно подобно] трещине, а скорее полумесяцу,
Я влюблён, [и потому] ношу эту тяжесть [и это] самое малое,
[Однако], эту ношу не в силах нести не только верблюд, но и гора.

А поэт Абу Саид Али бин Мухаммад бин Халав ал-Хамадани говорит, что даже гора не сможет вынести те муки и страдания, которые ему приходится вытерпеть во имя любви:

و إني على ما كان منك لصابر و إن كان من أدناه يذبل يذبل

(10, с. 477)

Поистине, я слишком терпелив с тобой,
Даже гора Язабуль* не вынесет малейшее [из того, что ты мне
причинила].

В нижеследующем отрывке поэт Абу-л-Хусейн Али бин ал-Хусейн ал-Хусни ал-Хамадани мастерски используя гиперболу, описывает замок своим великолепием и красотой превосходящий звёзды:

دار علت دار الملوك بهمة كعلو صاحبها على الأملاك
فكأنها من حسناتها و بهائها بنيت قواعدها على الأفلاك

(10, с. 476)

Это – самый высокий замок из всех замков,
Его высота напоминает славу его владельца.
Своей красотой, своим сиянием
Этот замок находится выше самих звёзд.

Второе место среди основных поэтических фигур в трактате Ибн ал-Му‘тазза занимает таджнис или джинас («сроднение»), употребление слов одинаковых по форме, разных по значению (5, с. 88-89). В европейской поэтике это совпадает с паронимазией. К примеру, можно привести бейт поэта Шамсавейха ал-Басри:

قلت للقلب ما دهاك: أجبنني قال لي: بائع الفراني فراني
ناظره فيما جنى ناظره أو دعاني أمت بما أو دعني

(10, с. 483)

Я спросил у сердца, что с тобой? Ответь мне!
Оно сказала мне: продавец сладостями ранил меня.
Он [также] красив, как и сладости, [которыми он торгует],
А если он покинет меня, то я не вытерплю эту боль.

С термином таджнис чередуется другая стилистическая категория – иштикак («образование от одного корня»), игра слов, основанная на созвучии, рождающемся в результате употребления подряд двух или нескольких слов с одинаковым корнем (5, с. 97). Использование поэтами этих фигур производит звуковой эффект и оценивается, как стремление создать аллитерацию в стихах. Например, бейт Абу-л-Хусейна Ахмада бин Фариса бин Закарийа ал-Мугима:

اسمع مقالة ناصح جمع النصيحة و المقه

(10, с. 469)

*Гора Язабуль расположена на Аравийском полуострове, в окрестностях Мекки, а конкретнее в окрестностях Неджда и Хиджаза.

Послушай речь мудреца,
Его речь полна любви и наставлений.
Далее бейт Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани:

أفي كل يوم من هواك تحامل
علي و مني كل يوم تحمّل
و ما أدعي أنني جليد، و إنما
هي النفس ما حملتها تتحمّل

(10, с. 477)

Каждый день я терплю унижения из-за любви к тебе,
И каждый день мне приходится терпеть [эти муки].
Я не говорю, что я [такой] выносливый,
Однако, это моё желание, [как-бы] я не нагружал его, вынесет всё.
А также бейты Абу Али ал-Хусейна бин Аби-л-Касима ал-Кашани:

أليس عجيبا أن جمسي ناحل
نحول خلال بل نحول هلال

(10, с. 478)

Не удивительно, что моё тело [так] истощено,
[И оно подобно] трещине, а скорее полумесяцу.

لأشكرتك ما ناحت مطوّقة
على الغصون كما طوّقتني مننا

(10, с. 478)

Я благодарен тебе и ношу это бремя на себе,
[Покуда] голубь, носящий ожерелье сидит на ветке и причитает.

Ещё одна поэтическая фигура, широко применяемая в восточной поэтике и определяемая Ибн ал-Му‘таззом как одна из пяти главных фигур,— радд ал-‘аджуз ‘ала-л-садр («возвращение конца к началу») или тасдир («возвращение») (9, с. 75). Надо отметить, что конец бейта называется – ‘аджуз, а его начало – садр. Применение этой фигуры усиливает эмоциональное воздействие стихов, создавая атмосферу лёгкости и непринуждённости. Рассмотрим их на примерах:

1) Последнее слово в бейте соответствует последнему слову в первом полустишии. К примеру, бейт Абу Абдаллаха ар-Рузбари:

أدهق كؤوسك منها و اسقني طربيا
على الغيوم فقد جاءتك بالطرب

(10, с. 484)

Ты наполни чашу вином и с радостью преподнеси его мне,
[Я буду пить вино] под открытым небом, и забуду о своей
печали.

Ещё один пример этому мы находим у поэта Абу-л-Касима Амра бин Абдаллаха ал-Харанди:

إن تقصني أمسيت مضغة ضيغم
أو تدنني أصبحت ذاك الضيغما

(10, с. 480)

Если ты отдалишь меня [от себя], я стану кормом для хищников,
А если ты приблизишь меня, то [я сам] стану хищником.

2) Последнее слово бейта соответствует первому слову первого полустишия. Например, бейт поэта Абу Абдаллаха ал-Батхави:

و سقيم الودّ و العهد
لذي جسم سقيم

(10, с. 482)

О, неверная в любви и обещании, я болен тобою.

Поэтическая фигура талмих(указание, намёк), отсутствующая у Ибн ал-Му‘тазза, добавлена следующими теоретиками. В талмихе поэт или писатель намекает на известные

рассказы, предания, стихи Корана, хадисы (8, с. 312). Чтобы придать яркость и эмоциональность своим стихам, сделать их более впечатляющими, поэты использовали в своих стихах коранические образы, что наблюдается в бейтах поэта Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани:

ما سرّ مولاي نبيّ الهدى
إلّا قريبا من سروري بما
بوحى جبريل و ميكال
رزقت من ودّ ابن ميكال

(10, с. 477)

[Как] радовался господин пророк откровениям Микаила* и Джибриила,
[Такова] и моя радость, которую даровал мне ибн Микаил своей благосклонностью.

Другой стилистический приём, наиболее почитаемый арабскими стихотворцами, который также считается одной из основных пяти поэтических фигур по определению Ибн ал-Му‘тазза – мутабака («сопоставление противоположностей»). Сюда включено и «противоположение» – мукабала, что в европейской поэтике соответствует термину антитеза (6, с. 171). С помощью этой фигуры эффект контраста в полустишиях достигался сопоставлением словесных пар с взаимно противоположным значением в пределах бейта. Использование антитез и антонимов, основанных на звуковых и зрительных контрастах украшений, придавало бейтам смысловую законченность и эксцентричность, что высоко оценивалось средневековыми ценителями словесного искусства. Для примера приведём бейт поэта Абу Абдаллаха ал-Батхави:

يا حمامي و حميمي
و غرامي و غريمي

(10, с. 482)

О, мой ангел смерти, моя закадычная подруга,
О, моя любовь, мой противник!

Наряду с использованием в художественной системе арабоязычных авторов антитезных смысловых конструкций, мы находим также употребление синонимических сочетаний, то есть, близких по значению слов (2, с. 81). Например, у поэта БаракавейхаЗанджани:

اقسم زمانك بين الورد و الأّس
و اطلب سرورك بين الكيس و الكاس

(10, с. 471)

Проводи свою жизнь среди роз и мирт,
Ищи радость [там], [где] красота и бокал.

أطايب لهو من سرور و لذّة
و من طيّبات الرزق قدر لطالب

(10, с. 472)

Это – наилучшие, [замешанные] на радости и наслаждения,
И достаточные для [всех] желающих самые вкусные яства.

تعرّض لي ومرّض مقلتيه
فما وريت له عندي زناد

(10, с. 471)

[Былая красота] оглянулась мне, [однако] её глаза вызвали у меня
болезнь и гнев,

[И это] причинило мне страдание и боль.

*Поэт называет Микаила и Джибриила ангелами откровения, что звучит немного странно. Возможно, это связано с воображением поэта. В исламе ангелом откровения является Джибриил. Микаил (в пер. с араб. главный) один из четырёх главных ангелов, наиболее приближённых к Аллаху, регулирует и запускает природные процессы. Также приводит в движение облака, планеты. В Коране упомянут в суре «Багара» («Корова») (II, 98).

Заклучение

Таким образом становится очевидным, что завоёванные народы оказали бесспорное влияние не только на образ жизни, но и на интересы и художественные вкусы завоевателей. Но вместе с тем и аджамы, т. е. неарабы, как их называли сами арабы, сумели освоить новую для них арабскую традицию, воспринять ценные элементы арабской поэтики, в частности метр и рифму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X-начала XI в., Ташкент, 1984.
 2. Азизова. Ф.А. Арабизированные авторы в эволюции арабской классической поэзии. Баку, «Элм», 2009.
 3. Каскель В. «Китаб ал-бади'» и её место в арабской поэтике и риторике. Арабская средневековая культура и литература. Сб. статей зарубежных учёных, ГРВЛ, «Наука», Москва, 1978.
 4. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения Т. VI, Ибн ал-Му'таз, «Китаб ал-бади'», М. – Л., 1960.
 5. Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Перевод с персид., исследование и комментарий Н.Ю. Чалисовой. Изд-во «Наука», ГРВЛ, Москва, 1985.
 6. Cümşüdlü R. Füzulinin ərəbcə poetik irsi. Bakı, 2012.
 7. Qulieva M.H. Klassik şərq poetikası. “Yazıçı”, Bakı, 1991.
 8. Qulieva M.H. Şərq poetikasının əsas kateqoriyaları. Bakı, 2010.
۹. ابن المعتز عبد الله، كتاب البديع، نشر: اغناطيوس كراتشكوفسكي، دار الحكمة، دمشق.
 ۱۰. الثعالبي، ابو منصور عبد الملك بن محمد، يتيمة الدهر في محاسن اهل العصر، الجلد الثالث، الطبعة الأولى، ۱۴۲۰م، دار الكتاب العلمية، بيروت – لبنان.

XÜLASƏ*Lamiyə HÜSEYNOVA***“Yətimətud-dəhr” antologiyasında poetik fiqurlar***Açar sözlər: poetik fiqur, şeir, şair, beyt, söz*

Məlumdur ki, poetik fiqurlar və məcazlar haqqında nəzəriyyə şair və ədib, birgünlük xəlifə İbn əl-Mutəzz (861-908) tərəfindən işlənib hazırlanmışdır. Onun “Kitab əl-bədi” (“Yenilik haqqında kitab” və ya “Poetik fiqurlar haqqında kitab”) adlı əsəri – poetika haqqında ilk orijinal elmi əsərdir. İbn əl-Mutəzz təsdiq edir ki, “yeni üslub” heç də VIII-IX əsrlərdə yaşamış yeni şairlər tərəfindən yaradılmayıb. Bu üslubda nümunələrə cahiliyyə dövrü şairlərinin şeirlərində, Qurani-Kərimdə və hədislərdə də rast gəlinir. Bizim tədqiqata cəlb etdiyimiz “Yətimətud-dəhr” antologiyasına daxil edilmiş ərəbdilli şairlərin şeirlərində poetik fiqurlar və məcazlar əhəmiyyətli yer tutur. Bu poetik fiqurlardan istiarə, təşbih, ifrat fi-s-sifa, tənqis, iştiaq, raddu-l-əcz alə-s-sadr, təlmih və mutabaqa üstünlük təşkil edir.

SUMMARY**Lamiya HUSEYNOVA*****Poetic Figures in the Anthology of ‘Yatimatud-dahr’******Keywords:*** poetic figure, poem, poet, bayt, word

It's known, that theory about poetic figures and tropes was developed by one-day caliph Ibn al-Mu'tazz(861-908). His work "Kitab al-badi'" ("Book about new" or "Book of poetic figures") is the first original treatise on poetics. Ibnal-Mu'tazzconfirms that the "new style" was not formed by the new poets of 8th-9th centuries. One can find the examples of this style in the poems of jahiliyyah period poets', in the Koran, and in Prophet's sayings. Poetic figures and tropes such as 'istiara', 'tashbih', 'ifrat fissifa', 'tajnis', 'ishtiqaq', 'raddul-ajz', 'talmih' and so on, are considered very impotant in the poems of the Arab poets included in the autology "Yatimat ad-dahr" which we study.